

Цена 20 руб.

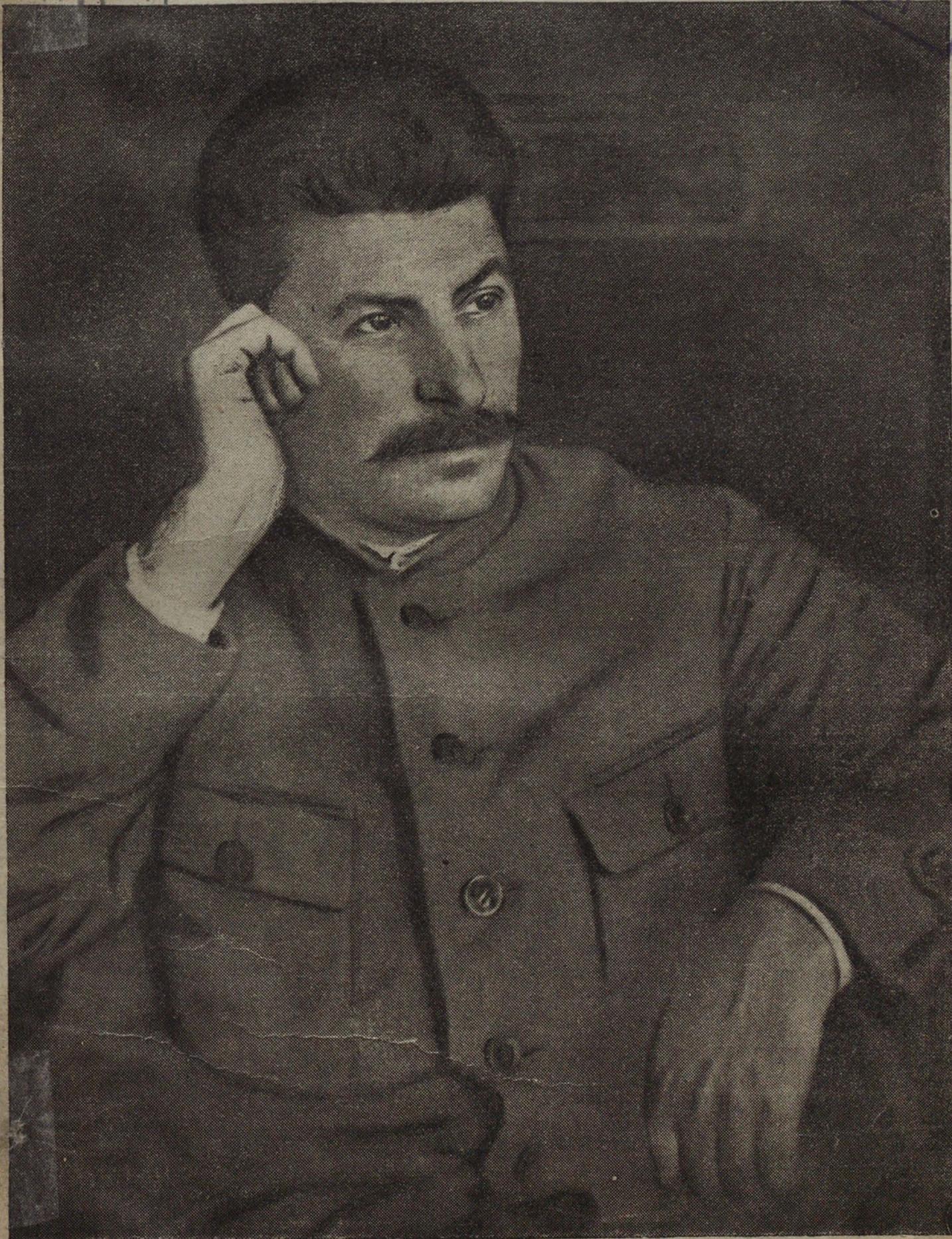
Handwritten marks and numbers

Огонек

№ 18.

Издание "МОСПОЛИГРАФ"

БИБЛИОТЕКА
ПРАВДЫ

И. В. СТАЛИН, Секретарь Центрального Комитета Р. К. П.

Новый фото-портрет работы С. Л. Бранзбурга

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Валютное Управление Народного Комиссариата Финансов

доводит до сведения всех граждан, внесших деньги в Финорганы за облигации 2-го Государственного Хлебного Займа и получивших на руки временные квитанции, что указанные квитанции будут обменены полностью на подлинные облигации Хлебного Займа в тех Финорганах, кому квитанции выданы.

Начальник Валютного Управления **Шлейфер.**

Всероссийский Центральный Союз
Потребительных Обществ

ЦЕНТРОСОЮЗ

МОСКВА, Старая пл., д. 4.

Снабжает своих членов:

Губсоюзы и крупные ЕПО (приравненные к губсоюзам), а через них весь кооперативный аппарат товарами широкого потребления и продуктами питания.

Ведет заготовку

продуктов сельского хозяйства через кооперативный аппарат (Губсоюзы, Райотделения, Е. П. О.).

Принимает комиссионные поручения

от кооперативных организаций на реализацию принадлежащих им товаров как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Центросоюз имеет

ряд крупных торговых отделов, работающих в соответствии с ассортиментом своих товаров.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ И УДОБНЫЙ
КРЕДИТ

Московский Городской
ЛОМБАРД.

Большая Дмитровка, д. № 22.

Выдача ссуд под заклад движимости, вещей и драгоценностей.

Прием на хранение без выдачи ссуд с гарантией от порчи.

Прием на комиссию в магазинах ломбарда вещей, драгоценностей, музыкальных инструментов (рояли, пианино и т. п.).

АУКЦИОНЫ просроченных залогов по воскресным дням от 1 часу дня. Осмотр вещей в тот же день от 10 до 12 ч.

Открыто Арбатское Отделение.
Арбат, дом № 11.

РЕДАКЦИЯ:
МОСКВА, Тверская, Козин-
ский пер., 2.
Телеф. 1-09-28 и 86-87.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Пименовская, 16.
Телеф. 1-38-25 и 1-38-41.
Телеграфный адрес:
Москва—„ОГОНЕК“.
Тариф объявления: 1 стр.—
85 черв., 1/2 стр.—18 черв.,
1/4 стр.—10 черв., 1 строка
полн. в 1 колонку—50 к. в
черной печати. На обложке
на 50% дороже. Сверх та-
рифа 10% в ЦК Поселдгоа.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на ап-
рель, май и июнь по 50 р., на
июль—60 р., на авг. 60 р. На
сентябрь и дальше при аванс, об
истечении которого подпис-
чик уведомляется. За границей
на 1 мес.—1/2 доллара, 1 экз.—
10 цент или в переводе на
соотв. местн. валюту. Под-
писка на „Огонек“ при-
нимается по всех почт.-телегр.
учрежд. и во всех отделениях
и агентствах Госбанка.

№ 18.

29-го июля 1923 г.

№ 18.

Назад в Россию.

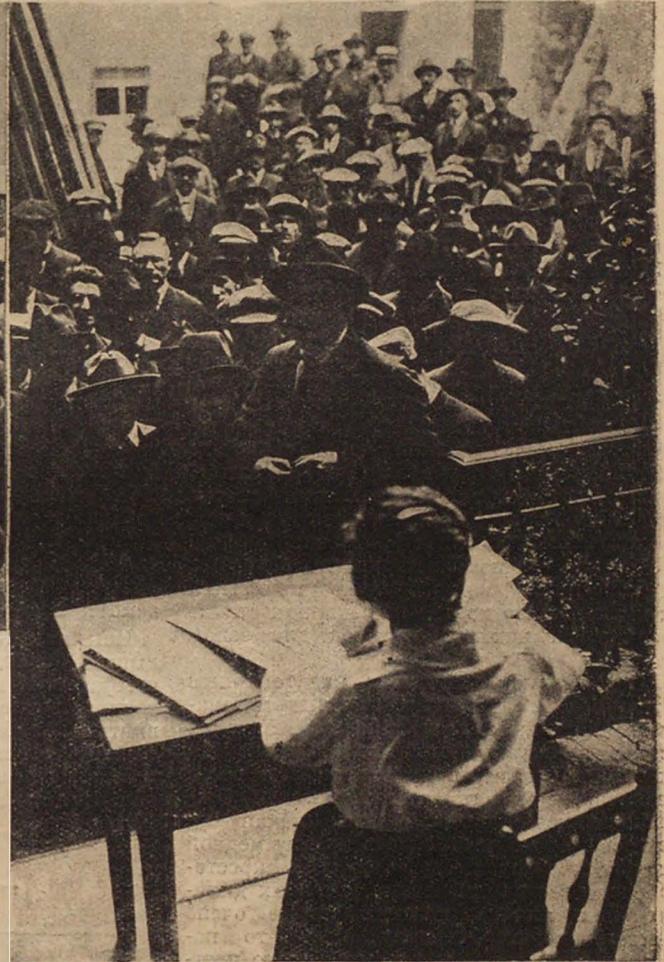
Press-Photo-News.

Русские эмигранты во дворе полномочного представительства Р.С.Ф.С.Р., в Берлине.

За последние месяцы полномочное представительство РСФСР, а теперь Союза Республик, в Берлине, осаждается массой русских эмигрантов, мечтающих попасть обратно в Россию. Все отдельные заявления тщательно изучаются. Если установлено их искреннее желание теперь помочь строящейся России и если их опыт и знания могут быть использованы—эмигранты получают разрешение на въезд. На снятых нашим берлинским корреспондентом фотографиях—толпа эмигрантов во дворе нашего берлинского представительства, занимающего на Унтер-ден-Линден здание прежнего царского посольства.

Насколько велико тяготение эмигрантов на родину, трудно судить даже по нашим снимкам, т. к. число заявлений растет не только с каждым днем, но буквально с каждым часом.

Регистрация русских эмигрантов в Берлине, перед отправкой в Россию.

ТОКАРЬ ПО МЕТАЛЛУ.

Рассказ Н. Никандрова.

Хлеб быстро дорожал... Зажигалки быстро дешевели... Кто вчера делал, например, 8 зажигалок, тот сегодня, чтобы прокормить семейство, должен был успеть сделать 10 штук... Кто не успевал, кто отставал, тот умирал голодной смертью на панели...

И все-таки, не смотря на все это, на зажигалках, как ни на чем другом, можно нажить!.. Нужен только случай, нужно только не бросать этого дела, терпеть, ждать, стараться больше работать...

Расгоряченный такими думами, подхлестнутый ими, как ударом кнута, старый рабочий, токарь по металлу, Афанасий, вдруг вскопился в потемках с постели, наярился, согнулся, зарычал, как нападающий зверь, бегом протопал бо-

сьми ногами от кровати к станку, прыгающей рукой зажег бензиновый светильник, в минуту обулся, оделся, плеснул холодной водой по небрывому, в седой щетине лицу и, хотя было всего три часа ночи, трепеща от нетерпения, с небывалым азартом принялся за работу.

Не глядя, привычной оцупью, он захватил в темном углу комнаты длинную медную желто-зеленую трубку, гибкую, похожую на камышину, выпрямил ее в руках о колено, зажал в тиски и начал распиливать острой ножовкой на одинаковые, маленькие, с мизинец, колбаски.

— Вгы — вгы — вгы... издавала твердый, дрожащий, упирающийся звук крепкая медь, расдираемая еще более крепкими стальными зубьями ножовки.— Йек—

йек—йек...—в то же время откликалось что-то изнутри усердно работающего мастера.

И падающие из-под его руки с ножовкой медные колбаски, эти полые внутри цилиндрики, эти толстенькие, коротенькие, тяжелеющие, желто-зеленые мундштучки, являлись главными основаниями будущих зажигалок, их корпусами, резервуариками для бензина и ваты.

— Вчерашний день Марья вынесла на базар десяток зажигалок, а едва хватило на обед,—соображал за работой Афанасий.—Стало быть, нынче придется выгнать 12 штук.

Однако, отпилив 12 колбасок, Афанасий, как всегда, не смог остановиться на назначенном числе и отрезал еще три лиш-

Н. И. Иорданский, новый полномочный представитель С. С. С. Р. в Италии, назначенный вместо погибшего В. В. Воровского. Н. И. Иорданскому поручено подписание в Константинополе конвенции о проливах.

них. Где будут сработаны 12 зажигалок, там незаметно пройдут и эти три. А между тем они тоже принесут кое-что дому.

Под станком, на полу, у стены, виднелся широкий низкий ящик с разным металлическим, случайно приобретенным, материалом. Афанасий захватил оттуда пластину толстой позеленевшей меди, осмотрел ее с обеих сторон, как покупатель на толчке осматривают в руках подошвенную кожу, затем приступил к вытачиванию из нее на токарном станке верхних и нижних донышек для зажигалок.

Нагорбленно согнувшись над токарным станком и не спуская пристальных, математически точных глаз с меди, Афанасий стоял и вертел ногой колесо. Впереди него, на особой, прикрепленной к стене полочке, ярко горел самодельный бензиновый светильник, бурая пивная бутылка с проткнутой сквозь пробку медной трубкой, выпускающей из себя крестообразно в стороны четыре узеньких длиненьких язычка пламени, вместе очень напоминающих чашечку какого-то пахучего, необычайно нежного, белого цветка. И на противоположной стене комнаты, как на белом холщевом экране, громадным, непрерывно кланяющимся силуэтом отражался черный профиль старого мастера: его громадная, со вклокоченными со сна волосами, как бы безумная, голова; странно-тонкая, цыплячья шея под ней; торчащие вперед, на подобие усов, точно приклеенные, брови; широкий, на конце вздернутый, как хобот, нос в очках; постариковски вечно разинутый рот с отвисающей нижней челюстью; и, наконец, тощая, болтающаяся, как собачий хвост, борода.

Ветхое, в заплатках, колесо самодельного станка вихляло из стороны в сторону, зацепало, скрипело; весь станок дрожал, гудел; обрезаемая медь упрямялась, дерябилась, гудела, иногда неприятно-скользко взвизгивала...

— Жжж...— среди глубокой ночи, среди крепко спящего города, наполняла комнату непрерывным крутящимся жужжанием маленькая машина домашней фабрики.— Жжж...

Вскоре из смежной комнаты понеслись громкие проклятия.

— Чтоб ты пропал со своими зажигалками!—всей своей утробой вопила отсюда спавшая там Марья, жена Афанасия.— Среди ночи поднялся! Среди ночи!

— Когда я пропаду, тогда и вы пропадете!—с суровым спокойствием отвечал хрипло Афанасий, повернув сосредоточенное лицо, в седых колючках, в белесых очках, на запертую дверь и продолжая с прежней размеренностью косо бою вихлять ногой колесо.— Собаки вы, собаки!—тряхнул он на дверь палкообразной бородой.— А для кого же я работаю? Для кого я жизнь свою убиваю? Для меня, для одного, хватило бы на день и трех-четырёх зажигалок!

Наконец, 15 верхних и 15 нижних донышек, 30 медных монеток, были готовы, и Афанасий, натужно посапывая, сверлил в них сверлом дырочки: в нижних для винтика от бензина, в верхних для трубочки ниппеля, сквозь которую проходит асбестовый фитилек. А когда и это было окончено и монетки стали походить на

медные пуговички с одной широкой дырочкой посередине, он распахнул на двор черную, трухлявую, истлевшую дверь, взял за ушки самодельную железную круглую жаровню-мангалку на четырех высоких, хищно раскоряченных и согнутых в коленях ножках, похожую на противного ядовитого гигантского паука, и вышел с ней наружу.

Дверь осталась раскрытой, и в сырую, душную, дряхлую комнату, с прогнившим полом и с прокопченным потолком, в подземный погреб, вдруг резко, повеяло со двора приятной ночной свежестью, просторами, свободой, далью, иной жизнью, достатками, здоровьем, молодостью, счастьем!

На дворе было темно и прохладно. Афанасий прислушался. Ни откуда не доносилось ни малейшего звука. Неужели он в таком одиночестве, неужели он один не спал, неужели во всем городе никто, кроме него, так не беспокоится за завтрашний день! Невольно он поднял глаза вверх, и сердце его сжалось еще большей тоской. Оттуда, с далекого черного матового неба, на него пристально смотрели вниз, как сквозь продырявленный потолок, и неравномерно мигали длинными ресницами маленькие, серебряные, по осеннему холодные звезды. Их было множество, и они так смотрели с неба на землю и так при этом мигали, словно отсчитывали отсюда суетному человеку его короткий век.

— Пожалуй, еще крошечку поживи...— со всех сторон, со всего небосвода, мигали они на Афанасия.— И еще немного.. Секунду... Пол-се-кун-ды...

Афанасий вздрогнул.

Но вот в темноте, возле дверей, вспыхнул желтый огонек зажигалки, в мангалке песело затрещала и заблагоухала, как ладан, смолистая шена, жарко охватились синими и красными язычками пламени и тоненько зазвенели—запели, коржась и переворачиваясь, древесные уголья. Узенький дворик, вдоль высоких стен заваленный доверху старым ржавым железным хламом, через минуту весь озарился странным фантастическим танцующим светом. И черная, согнутая, взъерошенная, в очках, фигура Афанасия, таинственно хлопочущая вокруг полыхающего пламени, была похожа в этот час на колдуна, варившего на жаровне под покровом ночи свои могущественные зелья...

Когда все уголья в мангалке распались до-красна, Афанасий подхватил ман-

„Черные куртки“ упражняются в стрельбе.

Редакции „Огонька“ доставлен редкий снимок, изображающий итальянских фермеров и мелких фабрикантов, целющихся в проходящих рабочих. Это происходило во время посещения Рима английским королем, пользующимся фашистскими симпатиями и удостоившимся с их стороны восторженной встречи.

галку за уши, отвернул наморщенное лицо вбок, вбежал с мангалкой маленькими шажками в мастерскую, как вбегают в столовую с кипящим самоваром, поставил ее на пол, глубоко воткнул в середину жара паяльник, потом, через две-три минуты, вынул его оттуда со страш-

ным, красным, как бы болезненно-воспаленным концом, начал впаивать в каждый корпус по два доньшка: одно верхнее, одно нижнее.

На лице старого рабочего-металлиста, сидящего на табурете с паяльником в руке, были написаны уверенность, вы-

держка, любованье своим артистическим мастерством, в то время как из его крепких, верных, прометаллических рук, работавших с безошибочностью машины, уже выходили на божий свет, радуя глаз, первые подобия зажигалок, их зародыши, еще куцые, еще бесформенные, голые,

От'езд Российского Красного Креста из Болгарии.

Статья председателя Российского Красного Креста З. П. Соловьева.

А. В. Корецкий,
зам. уполномоченного Российского Красного
Креста в Болгарии.

Стихийная тяга на родину обманутых Врангелем обломков белой армии, лишенных на чужбине чьей бы то ни было поддержки и часто даже куска насущного хлеба, побудили Центральный Комитет Российского Общества Красного Креста в конце 1922 г. послать в Болгарию миссию Рос. Кр. Креста, чтобы взять в свои руки попечение об их судьбе и организацию планомерной отправки желающих на родину.

По прибытии миссии в Болгарию она была официально признана как болгарским правительством, так и болгарским Красным Крестом и немедленно приступила к работе. При ближайшем ее участии организован был «Союз возвращения на родину», с рядом отделений на местах. Трудями Союза переброшено было в Россию свыше 5.000 чел., 90% которых составляет сельско-хозяйственные рабочие, 5% — ремесленники и остальные 5% — бывш. офицеры. Общее число находящихся в Болгарии бывш. русских солдат исчисляется в 30.000 чел.

Лишиться этого «пушечного мяса» не входит в расчеты Врангеля и его присных. Поэтому, с первых же шагов работы миссии, всевозможные врангелевские организации и агенты, щедрой рукой разбрасывая антантовское золото, развили злобную против нее агитацию, с явной целью сорвать репатриацию.

Видя, что все их усилия остаются бесплодными, и что с каждым днем умножается тяга в Россию, не стесняющиеся в вы-

боре средств, наемники вступили на путь индивидуального террора.

Первыми их жертвами пали Шерга, уполномоченный Рос. Кр. Креста по Хасковскому округу, тяжело раненый членами одной из врангелевских организаций и один из активнейших сотрудников миссии Агеев, убитый врангелевцами.

После последнего военного переворота в Болгарии (падения правительства Стамбульского) положение миссии РОКК стало совершенно невыносимым. Обнаглевшие

убийц уполномоченный РОКК в Плевне — Шелепугин; 10 июля его участь разделяет уполномоченный в Варне — Моросов. В это же самое время Болгарский Кр. Крест, на запрос Международного Комитета, дает самые успокоительные заверения о «порядке и спокойствии, царящих в Болгарии».

Все протесты и требования зам. председателя миссии Корецкого остаются без удовлетворения болгарским правительством, не могущим и не желающим обуздать разгул той самой военщины, которая

Лагерь русских репатриантов в Болгарии.

местные полицейские власти, в тесном содружестве с врангелевцами и по непосредственным их указаниям, открыли систематическую травлю миссии. Произвольные обыски и аресты сотрудников РОКК и «Союза возвращения», неизменно сопровождавшиеся избиениями, стали бытовым явлением. 6 июля гибнет от руки

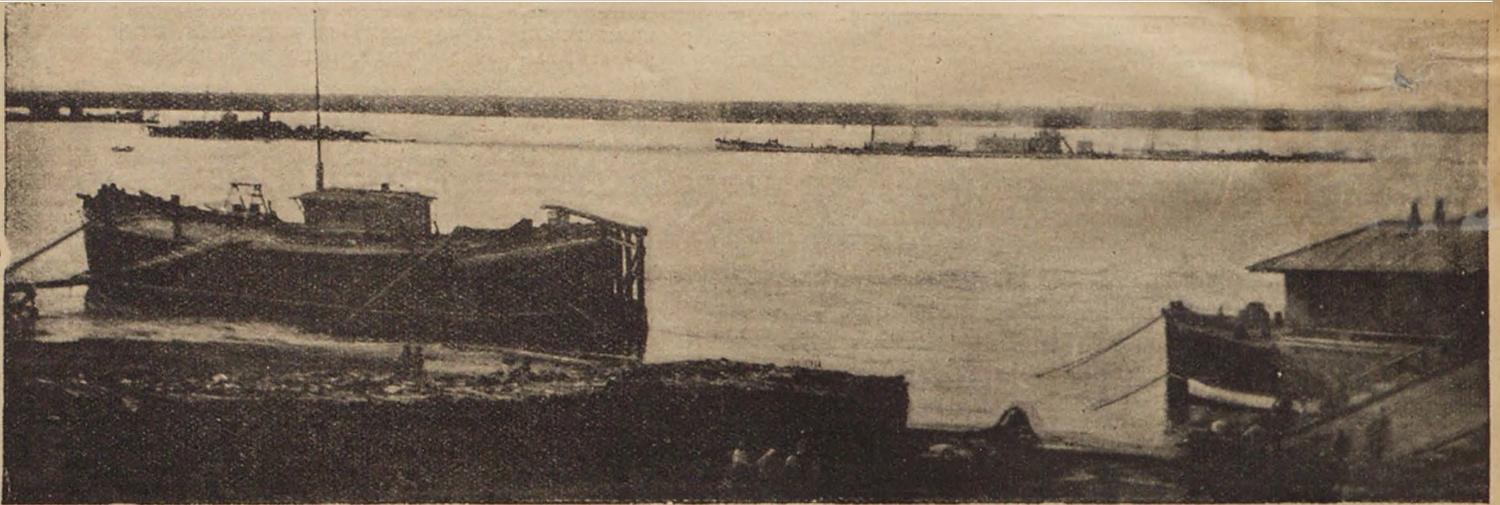
вынесла его к власти на своих штыках.

Считая, при создавшихся условиях, продолжение гуманитарной работы Рос. Кр. Креста в Болгарии невозможным, Центральный Комитет РОКК вынужден был предложить своей миссии прекратить свою деятельность и выехать из Болгарии.

З. Соловьев.

Представители Рос. Об-ва Красного Креста, «Союза возвращения на родину» и сотрудники газеты «Новая Россия» в Варне.

Первая в текущем году нефтяная баржа на Волге.

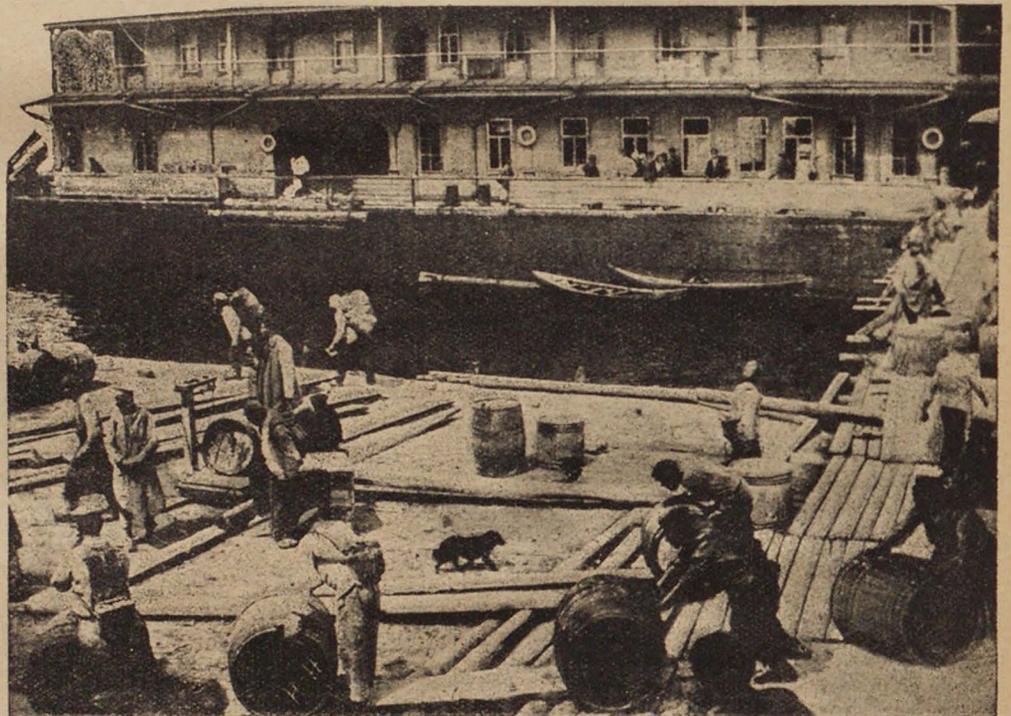

Грузчик.

В этот год на Волге—расцвет транспорта. Число тружеников «честной советской реки» чрезвычайно велико—200 ты-

все работы по нагрузке-выгрузке судов исполняются людьми.

На спину грузчику наваливают огром-

Разгрузка парохода.

сяч—и, наверное, возрастет еще вместе с развитием судоходства и ростом грузооборота.

Наиболее тяжелая часть работы судорабочих падает на грузчиков. До сих пор

ный, тяжелый тюк, с которым он проходит по мосткам, через дебаркадер, рискуя потерять равновесие по дороге от трюма до лабазов

чая. И теперь вода, нагреваясь, вздрагивала в чайнике, пукала, стучалась в жестяные стенки, потом, обрываясь и меняя тон, несмело затинула, в подражание самовару, протяжную, заунывную, калмыцко-русскую песенку

Оттого что работа у мастера ладилась хорошо, время летело для него незаметно, и вскоре он услышал, как на всем пространстве города и дальше изо всей мочи загорлали петухи. Они так старались, эти глупые домашние птицы, так надрывались, что казалось даже становились на цыпочки.

В пении петухов вообще заключается что-то необыкновенно дутое, напыщенное, торжественное, как в парадном выходе к народу короля в короне и в мантии; и вместе с тем в этом пении содержится и что-то чрезвычайно ребяческое, простое, откровенное, очень здоровое и весьма нужное для жизни, утверждающее жизнь, принимающее ее такой, какая она есть. И

Афанасий сразу почувствовал, как от его души отлегла большая и смутная тяжесть. Теперь-то он не одинок! Он бросил на стол инструмент, расправил спину, вытянул руки, погимнастировал ими, пошевелил пальцами, отсунул очки на лоб и довольными, чуточку улыбающимися, сощуренными глазами обвел всю свою работу: много ли сделано сегодня до петухов?

— Данька!.. — приступил он затем к самой неприятной своей ежедневной обязанности будить своего взрослого сына, то же токаря по металлу, спавшего богатырским сном в этой же комнате, у дальней стены.—Дань, а Дань!..—грубовато и вместе нежно окликал он сына.—Слышь?.. Вставай!.. Уже пора!.. Светает!..

И он направил издали на лицо сына широкий сноп ослепительно-белого света светильника.

гладкие, очень далекие от эффектно-сложного вида готовых зажигалок, как червеобразные гусеницы далеки от вида эlegantно-крылатых бабочек.

Между прочим, чтобы даром не пропадал хороший жар, Афанасий, по обыкновению, поставил на мангалку громадный жестяной чайник с водой для утреннего

Шесть лет московской организации Р. К. С. М.

Статья *Ефима Цетлина*, секретаря Германского Союза Ком. Молодежи.

8-го июля рабочая молодежь Москвы праздновала 6-тилетие существования своей организации.

Только сравнивая с тем, в каком положении находилось развитие рабочей молодежи в дореволюционное время, можно вполне оценить, что дала молодежи революция.

Ефим Цетлин, член Исполкома Коминтерна Молодежи, один из организаторов М. К. Р. К. С. М.

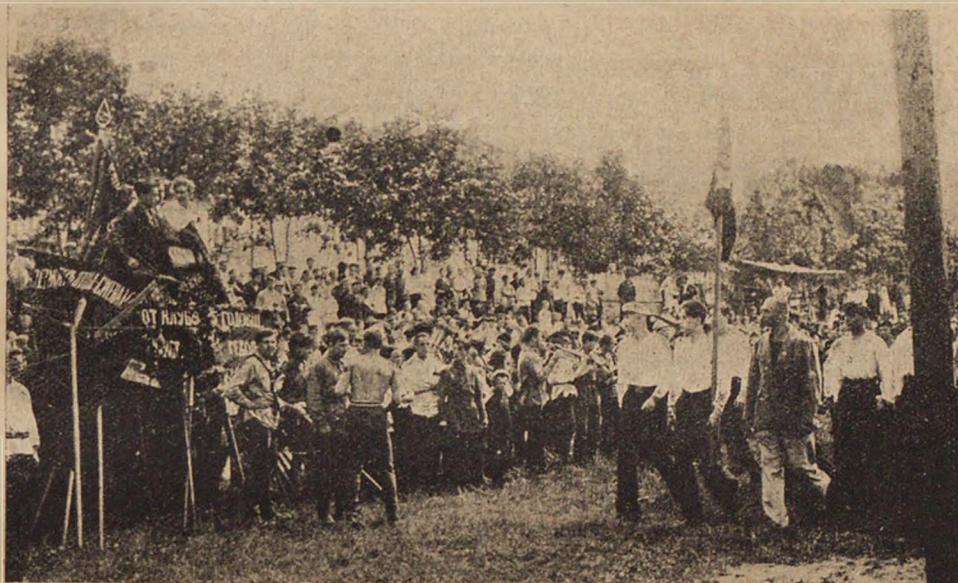
в создании которого московский Союз сыграл большую роль.

После Всероссийского съезда рабочей и крестьянской молодежи работа московской организации развивалась в двух направлениях: задачи самого союза, как такового, и деятельное участие в борьбе за революцию как идейно, так и в рядах Красной Армии. Первые школы красных командиров были набраны сплошь из членов Союза. Московская молодежь была в количестве 2.000 человек брошена против Деникина, отряды ее шли против Юденича, против поляков, под Перекоп.

путь мирного строительства. Через год сказались первые результаты: организация в 17.000 человек, около 40 школ фабзавуча.

Бок о бок с партией, отдавая лучших в ее ряды, организация сейчас сильно выросла. Она объединяет 40.000 членов. Около 7.000 подростков обучаются в школах фабзавуча, тысячи отданы в партию, в Красную Армию, во флот.

Около 80 школ фабрично-заводского ученичества выстроено по инициативе и при активном участии Союза. Союз имеет свои клубы, свои школы. Большой процент

Спортивный праздник 6-й годовщины комсомольцев Замоскворецкого района, на площади им. Воровского, — 8-го июля.

В Москве еще в дореволюционное время существовал кружок молодежи, который после февральских дней организовался по мысли Землячки, в форме Союза Молодежи Московского Комитета Р.С.Д. Р.П. (большевиков).

В июле месяце была создана другая организация «Союз рабочей молодежи III Интернационал». Он должен был быть массовой организацией рабочей молодежи. Основание ему положил Тер (Ваганьян). Первая организация была создана на заводе «Михельсон», в Замоскворечье, а затем перебросилась в другие районы.

В конце июня 1918 года был созван первый губернский съезд. Он не только объединил молодежь Московской губернии, под флагом «Союза рабочей молодежи III Интернационал», но и определил необходимость созыва Всероссийского съезда,

в список героев Октябрьского восстания молодежь вписала свои имена как: Дик, Жебунов, Барболин, Люсик-Люсинов и др. бывших в рядах Красной гвардии и различных боевых организаций. Мужественно отстаивали они советскую власть в борьбе с контр-революцией и поддерживали своими силами новую работу строительства.

Когда советская власть приступила к созданию Красной Армии — в первые отряды ее шли члены союза.

На 4-м съезде своей организации в 1921 г. московский Союз стал на новый путь —

членов организации учится. Это показывает, что Союз правильно направляет свою работу в смысле подготовки новых кадров работников.

В 6 лет Союз вырос в мощную опору пролетарской революции. Юбилей молодежи — это юбилей советской власти, очищенной дороги для свободного развития рабочей молодежи.

Ефим Цетлин.

27 июня в Германии коммунистическая молодежь праздновала летнее равноденствие. На нашем снимке — немецкие комсомольцы поют песни вокруг разложенного костра, на котором приготовлены к сожжению портрет генерала Гинденбурга и фашистский знак.

Фот. П. Ласс.

Л. Шацкий, член Коминтерна Молодежи, один из организаторов М. К. Р. К. С. М.

Уголок В. И. Ленина.

Ассоциация художников революционной России выполняет в настоящее время работу над картинами для «Уголка Ленина» на сельско-хозяйственной выставке по программе, выработанной Истпартом и согласованной с главным выставочным комитетом.

Утвержден ряд эскизов, из которых выделяются по темам и трактовке следующие: эскиз худ. Авилова — «Появление Ильича в Смольном в октябре 1917 г.», в котором изображен момент, когда Дан входит в помещение Совета Рабочих Депу-

татов и узнает сидящего вместе с Троцким, Владимира Ильича Ленина, повязанного платком; эскиз худож. Чепцова — «Ильич скрывается от шпиков в Петрограде на речке Карповке»; эскиз худ. Спирина — «Первые дни Совнаркома в октябре 1917 г.», который рисует начало организации комиссариатов; эскиз худ. Топоркова — «Покушение на Ильича в 1918 г.», момент выстрела Ф. Каплан в В. И. Ленина, когда он подходил к автомобилю (эскиз выполнен по указаниям очевидцев покушения); эскиз худ. В. Куз-

нецова — «Встреча Ильича на Финляндском вокзале в 1917 г.»; эскиз худ. Исупова — «Минуссинская ссылка», где фигурируют В. И. Ленин и Лепешинский; эскиз худ. Львова — «Расстрелы и высылки реакции» и др.

Всего 32 эскиза, в которых выявлены наиболее яркие темы из истории коммунистической партии в России и роль Ленина, как вождя партии.

По окончании выставки весь «Уголок Ленина» поступит в музей Истпарта.

Первые дни Совнаркома в октябре 1917 г. (Эскиз худ. Спирина).

Испорченный фильм.

Рассказ И. Эренбурга.

Начинается кинематографический сеанс.

1. Разбитая ваза.

Обычное советское утро. Завы, замзавы, вриды, управделы, входящая нонпарель. Портфели — беременные хлебом. На ручных тележках темносиние папки дел. Оператор крутит крайне медленно, так, что нога каждого замзава, поднимаясь, долго пребывает в философическом раздумьи — опустится ли ей или превратиться в бронзу памятника «Освобожденного Человечества». У стены продавцы: дама в туевском халате (покрышка софы) торгует сахаром, разложенном до атома, мальчишка спичками — поштучно. У третьего — светлая шинель с рубцами погон, а в руке севрская ваза: маркиза дезабыль ласкает влюбленную левретку. Это:

Князь Дуг-Дугановский.

Завы и нонпарель быстро раскупают сахар, спички, но равнодушно поглядывают на маркизу. Князь нервно следит за поворотами завских голов. Потом закрывает глаза. Все расплывается. Как в каждом приличном фильме — видение. Набегают: нянюшки, «Золотой ярлык» Эйнема, институтки в белых пелеринках, оскалившийся богомольно денщик, наусники, букет роз от Ноева, портрет государя императора в бронзовой раме, барышни, мотыльки, звезды и луна, открытки с видами, уха с растяганиями и прочие вещи. Они исполняют четвертую фигуру, потом встают во фронт. «Золотой ярлык», козыряя, церемониальным маршем входит в рот князя. Мотылек опускается на его породистый нос. Князь вздрагивает, раскрывает глаза. На носу — муха. Подходит баба с арбузами

вместо груди, рассматривает вазу, приценивается. В это время появляется Нечто — на голове пылесос, где полагаются руки — семиколенные печные трубы, живот чешуйчатый, из пупа торчит спираль, все вместе на детском трехколесном велосипеде. Нечто держит плакат:

Зри С. С.
Новое искусство выкуистов.

Завы привычно улыбаются. Бабка, оглянувшись и увидев Нечто, падает на князя Дуг-Дугановского. Князь роняет вазу. Смятение. Нечто, чуя недоброе, стремительно отбывает.

Отрадное зрелище традиционной погони. впереди Нечто на трех колесиках, за ним баба с арбузами вместо груди, за нею

князь, позади обрадованная нонпарель. Оператор вертит до изнеможения.

Князь натывается на степенного старичка. Оба падают. Подымаются в ярости. Ждут драки. Но вместо нее — старичек, оглядывая внимательно князя, улыбается дружески хлопает его по плечу и уводит.

2. Вегетарианская столовая. „Мир с животными“

(обеда из ненормированных продуктов).

Грязная столовая. Дама ест простоквашу. Входит князь со старичком. Князь недоверчиво озирается. Но старичек идет за буфетную стойку. Шепчется с хозяйкой. Появляется самогонка. Пьют, чокаются. Князь, лирически прижимая руку к сердцу, исповедуется и стонет. Тогда старичек, с профессиональной небрежностью актера отпраздновавшего двадцатипятилетний юбилей, чуть отделяет степенную бороду от юношеских щек. Князь потрясенный вскакивает. Снова садится, наклоняется, тычет ухом в водворенную на свое место бороду. Старичек вынимает из того места костюма, где никто ничего постороннего не держит, смятую бумажку. Князь, волнуясь, читает:

Ротмистру Лейб-Гвардии Преображенского полка А. Я. Яхонтову поручается вербовка офицеров для Русской Национальной Армии.

Явно взволнованный выпивает еще чашку чая. Старичек вытаскивает пачку денег. Князь берет, пожимает щедрую руку и, в упоении повернувшись к опустевшей стойке, козыряет, точно копируя «Золотой Ярылык».

3. „Улыбка Джоконды“.

Купе. Все три этажа и промежуточные, то-есть сетки для вещей, заняты. Князь в пиджачке. Все время прикрывает «Известиями» лицо. Напротив — влюбленная парочка. Мужчина явно комиссарообразный жует хлеб и нежно поглядывает на спутницу. Она — необычайно красива. Среди славянских лиц — резко чувствуется Восток. Ее играет артистка с хорошим окладом — звезда — обязательно высокая, худая, заостренная. Все агрономы и акушеры, спецы и не спецы, сочи и просто — взглянув на нее, понимают, что это не артистка кинематографа и не служащая Наркомпроса, Анна Моисеевна Шварцберг, а похищенная итальянцем в 1912 г. Джоконда (в Лувр возвращена копия). Девушка тоже ест хлеб, читает книжку, влюбленно чистит маленькой головной щеточкой галфэ спутника, но время от времени, вспоминая кто она, улыбается хронической улыбкой. Одна из этих улыбок падает на князя. Он вздрагивает, теряет газету. Вспомнившая о конспирации, испуганно вынимает огромный мандат и распластывает его перед изумленным комиссаром. Но сам уже не может отвести глаз от девушки. Все в купе, на сцене и в зале чувствуется начало великого тайнства. Комиссар неожиданно лезет в задний карман брюк, ищет что-то хмурый, вытаскивает, наконец, гнилое яблоко и дает его князю. Князь горестно ест.

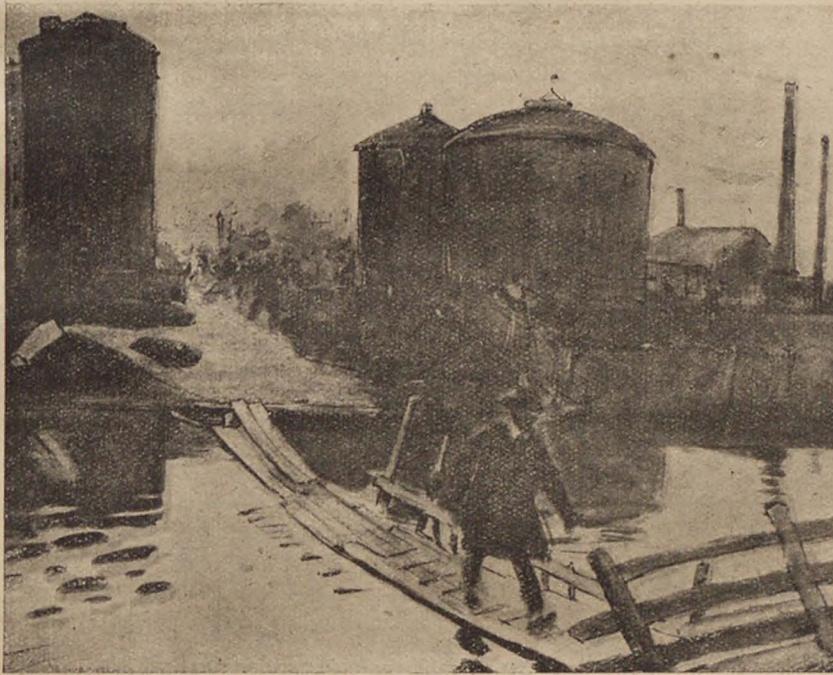
Освежите меня яблоками, ибо я — изнемогаю от любви.

«Песнь песней».

4. Заседание верховного совета.

Кабинет французского премьера. Бюст Республики и соблазнительная «Ню». На

Уголок В. И. Ленина.

Ильич скрывается от шпиков в Петрограде, на речке Карповке. (Эскиз худ. Чепцова).

столе пресс-папье из заспиртованных ящериц, а также в виде Пантеона. Три министра. Чувствуется послеобеденная мечтательность. Англичанин курит сигару, вознося ноги до высоты бюста Республики. Француз растегивает пуговицы жилета постепенно, начиная с нижней, — вял и томен. Только итальянец, помня о том, что кинематограф не волшебный фонарь, разговаривает сам с собой благородными патрицианскими жестами. На стене перед ними огромная карта России. Страхивая пепел, англичанин медленно заворачивает карту черным крепом. Француз чувствительно всхлипывает. Вдруг дверь открывается. Вкатывается человек, сильно на-

поминающий подвыпившего околodочного. Суетливо кланяется, крестится на «Ню», висящую в углу, икает.

Хотите, я вам добуду всю Россию: то-есть Великую, и Малую, и Белую?..

Все оживляются. Англичанин дружески треплет русского носком ботинка, француз дает окурочек — докурить. Итальянец щелкает пальцами вместо кастаньет, отсутствующих почему-то на заседании Верховного Совета. Русский танцует казачек в присядку. Упоенные русским искусством, союзники аплодируют: англичанин погами, француз ладонью массируя живот, итальянец по человечески. Потом приступают к делу. Делят карту, ссорясь и уходя по очереди на минуту из кабинета, в виде протеста. Разрывают ее на три части. Русский, вытянув руку, кротко ждет. Англичанин нажимает кнопку звонка. Два рослых шотландца в юбочках вкатывают игрушечный танк. Француз с ужимками и вздохами достает из бумажника ассигнацию. Итальянец грациозно вытаскивает из своей шляпы «барсальери» пегушиное перо и жертвует его, присовокупляя воздушный поцелуй, нежный, как плеск венецианских вод.

Русский все это, за исключением поцелуя, забирает в полы мундира, три раза истоиво кланяется, уходит.

5. Читайте все «Патэ-Журнал».

Кабинет директора фирмы «Патэ». Врачающиеся шкапы, телефоны, вспыхивающие сигнальные лампочки и прочие принадлежности делового человека. Директор рассматривает газету. Звонит. Входит человек, похожий на водолаза, — с трубами,

Уголок В. И. Ленина.

Появление Ильича в Смольном; 2 октября 1917 г. Скобелев и Дан входят в помещение Сов. Раб. Деп. и Дан узнает, сидящего в одной из комнат вместе с Троцким, Ильича — с лицом повязанным платком. (Эскиз худ. Авилова).

Трактор в пермской глуши.

(От пермского корреспондента «Огонька»).

В глуши Пермской губернии, за много верст от железных дорог революция показала еще невиданное здесь—тракторы. Земля обрабатывалась самым первобытным образом, все было примитивно и часто можно было видеть узкие лопарские сани, запряженные собаками.

Лопарские сани, на которых обрабатывалась земля.

Трактор, впервые обрабатывающий землю в глуши Пермской губернии.

старается поймать объективом порхающее перышко. Князь, завернувшись в шинель, на носу парохода. Чрезвычайно напоминает Наполеона в памятный вечер Ватерлоо. Вынимает открытку. Лицо смягчается. Пароход отчаливает.

12. Кают-кампания.

Ночь. Вокруг стола пьют и делают «сувениры»—брошки, колье, кольца и пр. Почти-Павел, нацепив на живот огромного павлина из бриллиантов, задремал. Другие пробуют отстегнуть. Почти-Павел записывает в блок-нот произведенные съемки. Хватается за голову:

Что делать? У меня не хватает казни кровосадной чекистки Доры!

Все разводят руками—теперь не до того—глядит на стену. Там—расписание паромных линий. Но по лицу князя ясно, что это иллюзия. На самом деле у стены

стоит, сложив смиренно руки и неизяснимо улыбаясь, эвакуированная Джоконда. Князь кидается, рвет расписание. Но никто не обращает на него внимания.

13. «Ах, зачем эта ночь так была хороша?»

Кубрик. Качка. Исключительно женщины. Теснота. На всех лицах тупое безразличие. Только Анна Моисеевна Шварцберг время от времени улыбается. Входит князь. Смятение. Женщины поспешно прячут под юбки брошки, обручальные кольца и даже золотые челюсти и выставляют наружу паспорта, заплаканные лица, нателные крестики. Увидев улыбку Джоконды, князь замирает, потом мечется. Падают чайник с во-
Ему заливают. Но огонь его сердца не погасает. Молит. Зовет.

У меня есть английские фунты. Мы поедem в Константинополь.

Шварцберг продолжает с честностью шестивекового навыка загадочно улыбаться. Женщины понимают, что она присутствует при встрече двух возлюбленных, которые легко могут быть Ромео и Джульетой, Паоло и Франческой и т. п. Поэтому она старается сдерживать приступы морской болезни. И даже бездарно копирует, на подобие англичан в Луврском музее, неповторяемую улыбку. В особенности умиляется старая еврейка, сидящая на крохотной корзинке, как насадка на лыжах. Улыбка Джоконды и блаженство князя длятся долго, во всяком случае не менее одной минуты, ибо фильма в этом месте движется медленно. Теперь исполняют любовный романс. Зрители в зависимости от темперамента и возраста перестают дышать. Все ждет неизменного героя примиренных любовников—младенца, соединяющего руки, и подозрительно глядят на корзинку под юбками старой еврейки. Но откуда никто не вылупляется. Князь целует носок полотняной туфли Джоконды. Все радуются счастливому концу и наиболее активные скрипят, направляясь к выходу. Но князь, обманывая всех, вскакивает, как раненый лев, и, не глядя на Джоконду, карабкается по лестнице.

14. Судьба индейка, а жизнь копейка.

Все на палубе. Князь съезжает: *Я отыскал чекистку Дору, и сейчас брошу ее в море.*

Околодочный весело хихикает, так что бриллиантовый павлин, подпрыгивая играет своими каратами. Кино-оператор, ошалевший от нечаянной радости, готовится к торжественной минуте. Блистает утреннее солнце. Виден берег—магнолии, олеандры и прочее. Князь вытаскивает из кубрика Джоконду. Все происходит столь быстро, что только одна из ее многочисленных улыбок успевает дойти до зрителей. Джоконда летит в пенящейся воде. Но вслед за ней—почти одновременно кидается князь Дуг-Дугановский. Полное недоумение. Ощущение бессилия словами или хотя-бы жестами дополнить происшедшее. Только кино-оператор, свесившись за борт, как бы ловит сапоги со шпорами. Вепит:

*Что вы сделали?
Что скажет директор?
Испорченная фильма!*

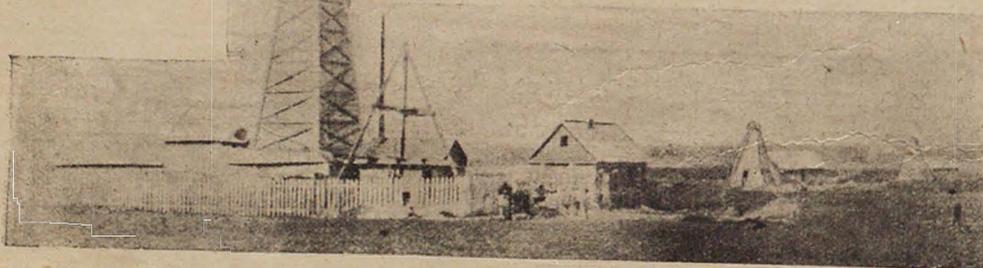
И. ЭРЕНБУРГ.

НА

КУРСКИХ РУДАХ.

Достигнуты новые успехи в исследовании Курской Магнитной Аномалии. Кроме 1-ой

из которых последние 38 саж. пройдены в пласте железной руды. Процентное содержание железа в этой руде чем глубже,

Вид 4-х новых буровых скважин (вблизи гор. Щигры), в которых установлены новые алмазные буровые станки, недавно полученные из-за границы.

скважины, бурение которой привело к открытию колоссальных залежей железа, в том же районе недавно закончены установкой 4 новые буровые станки для дальнейших исследований имеющих запасов железа. Работа на всех скважинах идет непрерывно круглые сутки, не исключая и праздников. Первой скважиной уже достигнута глубина в 113 саж.,

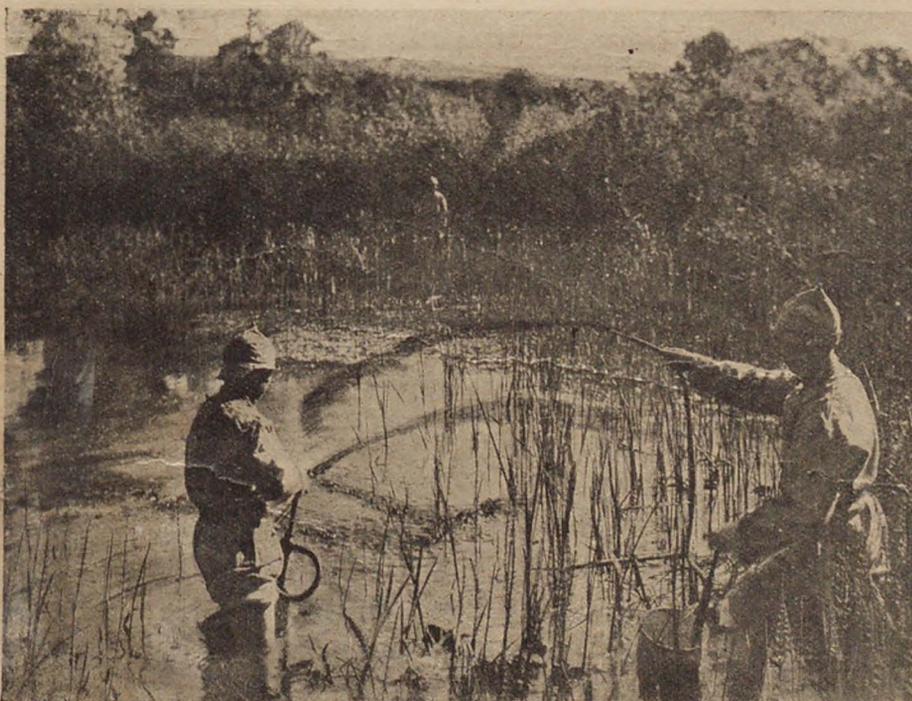
тем все выше и выше. Параллельно с этими работами, при минералогическом кабинете Высшего Московского Технического Училища, под руководством проф. Архангельского, производятся непрерывные работы по химическому исследованию образцов курской руды, присылаемых в Москву по мере ее добычи.

Борьба с малярией в Красной Армии.

(Статья заместителя Народного Комиссара Здравоохранения и Начальника Главного Военно-Санитарного Управления З. П. Соловьева).

Обязательный прием хинина красноармейцами Тоцкого лагеря. Горькую хину улащают звуками оркестра и фанфар.

Уничтожение личинок малярийных комаров в местах расположения красноармейских частей.

Борьба с малярией представляет сейчас для Красной Армии задачу ничуть не менее важную, трудную и ответственную, чем в свое время борьба с сыпным и возвратным тифом.

Надо сказать, что в отношении заболеваемости малярией Красная Армия в значительной степени разделяет судьбу всего населения С. С. С. Р., который за последние годы стал жертвой исключительной по своим размерам малярийной эпидемии. Причиной этого служит ряд обстоятельств. Прежде всего виною этому громадные передвижения людских масс в годы империалистической войны, революции и войны гражданской.

Все эти контингенты, заражаясь малярией в местах ее наибольшего распространения, разносили ее по всей территории страны, где она и сосредоточивалась, в наиболее благоприятных для ее развития местах.

Немалую роль в распространении малярии сыграло и то, что минувшие тяжелые годы сильно разрушили и местами свели на-нет культурные начинания в виде осушки болот и дренажа почвы и, наоборот, вызвали заболочивание болот и образование застойных болот там, где ранее они и помину не было.

Сказались также и голодные годы, снившие сопротивляемость организма

бочих и крестьян всякого рода заразным болезням.

Красная Армия, разумеется, не могла остаться не задетой этим бедствием.

Следует отметить, что малярия не новость для русской армии. Санитарные летописи всех войн, которые вела царская Россия на своих южных и юго-восточных окраинах (Крым, Кавказ, Туркестан и т. д.), полна описаний опустошений, которые причиняла малярия. В позднейшие времена в 80, 90 и 900-х годах заболеваемость малярией среди воинских частей Туркестана, Кавказа и Казанского округа (Поволжье) достигала временами 65%.

Вспышка малярии в Красной Армии, начавшаяся в 1918—1919 г.г., нанесла свой главный и наиболее чувствительный удар прежде всего в этих же районах. Походно-бытовые условия красноармейца здесь были до крайности тяжелы.

В 1922 г. продолжают сильно страдать от малярии части Красной Армии, брошенные в Восточную Бухару на борьбу с басмачеством и оперировавшие в местах, которые получили название «долин смерти»,—так губительна здесь малярия.

Борьба с малярией в Красной Армии дается с большим трудом и эти трудности возрастают в зависимости от тех природных условий местности, в которых приходится вести эту борьбу.

Основное и неперемное условие для успешности противомаларийной борьбы,—осушка болот—было недоступно для нас в сколько-нибудь широких размерах. Только местами, где это оказывалось возможным, как, например, в Кушке, в Тоцком лагере близ Самары, на Ходыньском

лагере, под Москвой, такие работы проводились и проводятся.

Не ослабляя попыток лишить комара его убежища, мы поставили себе задачу перенести в настоящее время центр тяжести на усиление сопротивляемости организма красноармейца против малярии.

Единственное средство, которым располагает наука для этой цели,—это предупредительное (профилактическое) употребление хинина. При регулярном,—ежедневно или через день,—приеме хинина определенными количествами (дозами) достигается постоянное насыщение крови человека хинином в такой мере, что попавшая в кровь при укусах комара, малярийная зараза погибает или настолько сильно ослабляется, что заболевания малярией не происходит.

Опыт обязательной поголовной хинизации успешно применяется в европейских армиях, например—Итальянской и в Английских колониальных войсках.

Ввести такого рода приемы хинина в Красной Армии в 1918—1921 г.г. было очень трудно вследствие «хинного голода», который переживала Советская Россия. Но как только удалось начать закупку хинина на заграничном рынке, мера эта тотчас же была использована.

Успешно применялась хинизация в Красной Армии в 1921 году в тех частях где ее удалось начать своевременно и провести систематически в зависимости от получения хинина, и дала значительное уменьшение заболеваемости.

Путем бережного расходования хинина нам удалось сосредоточить в распоряжении Главного Военно-Санитарного Упра-

вления такое количество хинина, что определенные районы расположения Красной Армии смогли быть обеспечены им на все 100% на весь малярийный период—весна, лето и осень.

В основу проведения предупредительной хинизации была положена строжайшая систематичность и обязательность.

Надо иметь в виду, что беспорядочные, неумелые приемы хинина и не в тех дозах, какие выработаны научным опытом, могут дать совершенно обратные последствия и повести к тому, что человек заболевает такой малярией, которая уже не поддается лечению хинином (хинноупорная малярия).

Таким способом сейчас проводится профилактика малярии в целом ряде местностей и в некоторых лагерях. Этому вопросу Красная Армия придавала особенную значительность и проводит прием хинина иной раз с особой торжественностью. Так, например, в Тоцком лагере прием хинина происходит на передней линейке лагеря (там, где обычно совершаются все воинские торжества и церемонии), в строю под звуки оркестра и фанфар.

Это в своем роде символ—охрана здоровья красноармейца ставится как задача, разрешение которой не должно затеряться среди прочих мелочей красноармейских будней.

Кроме этой меры в Красной Армии происходит самое широкое ознакомление красноармейской массы с малярией, ее причинами, проявлением у человека, лечением и предупреждением.

Враг красноармейца,—малярийный комар,—известен теперь каждому красноармейцу. Знать врага, это значит очень многое. Зная врага, легче его победить.

З. Соловьев.

Грандиозный перелет.

На днях закончился перелет из Москвы в Бухару и обратно, совершенный на самолете Юнкера под управлением красногo военного летчика начальника военно-учебных заведений Красного Воздушного флота Республики—Б. К. Веллинг.

Перелет совершен с практической целью, а именно: б. нач. Воздушного Флота Республики Знаменский находился в командировке по служебным делам, осма-

тривая и инспектируя части воздушного флота. Его сопровождали сот. для особых поручений Никифоров и кораб. механик Груниц.

Весь перелет, несмотря на тяжелые условия (мороз гор Кавказа, тропические жары пустынь Кара-Кума и Кизыл-Кума, сильный ветер и дожди средней полосы России), протекал благополучно: аварий не было.

Самолет летел по следующему маршруту: Москва — Харьков — Ростов-Дон — Беслан (через горный хребет Кавказа на высоте 4900 метров) — Тифлис — Баку (через Каспийское море)—Ашхабад—Когал (Бухара)—Ташкент — Кизыл-Тене (9-ти часовой перелет) — Туркуль — Хива-Казалинск — Оренбург. Из Оренбурга самолет, с одной остановкой в г. Борисоглебске, прибыл в Москву. Таким образом, самолет описал некую кривую против движения часовой стрелки.

Весь перелет расстоянием в 10.500 километров совершен в 76 часов 35 минут.

Интересно провести параллель этого делового перелета с перелетом французского военного министра из Парижа в Марокко, совершенного в октябре 1922 г. Французская печать усиленно его комментировала, как нечто небывалое,—там расстояние равнялось 3000 километров, к тому же летел не один самолет, а целая эскадрилья.

Н. Бобров.

Наверху—направо: Нач. Управления школы Главвоздуха Б. К. Веллинг. Схема перелета. Черной линией обозначен путь следования самолета.

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ САД.

Очерк С. Гехта. Снимки Г. Самсонова.

От пруда тянет горьковатой влагой, со дна его сторожа выуживают оседающую плесень, а на зеленой поверхности покачиваются белые и черные лебеди. При первом взгляде различаешь разную породу, одного вида. Мимо нашего, озерного белого

ное качество—инстинкт самосохранения. Голодный 1920 год значительно опустошил Зоологический сад. Человек выжил. Бесконечно приспособляясь к очередям и пайкам, он прошел сквозь жуткий недоед и стужу и, едва оправившись, забыл о них. Голодающие звери только могли ждать пищи и тихо умирать, не получая ее.

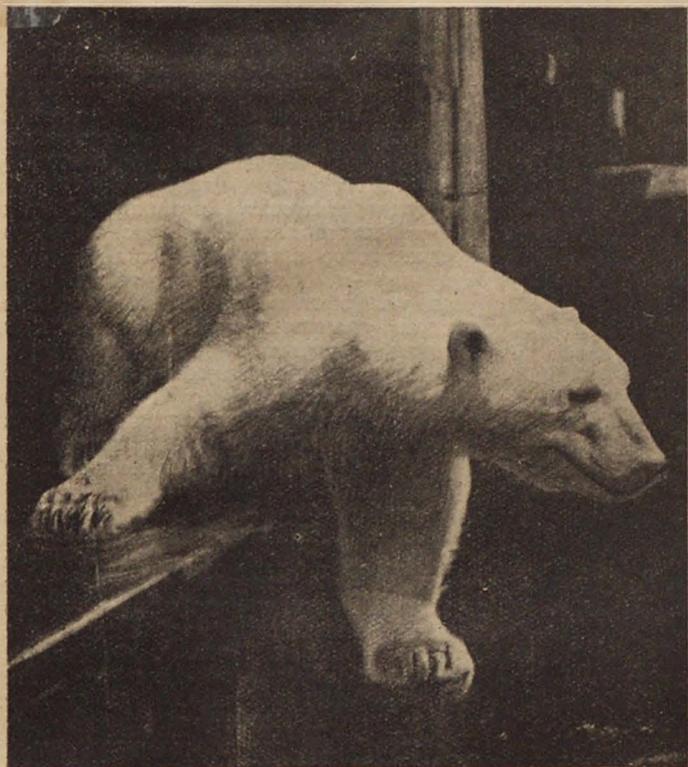
Вот — сибирские медведи. Шесть клеток — из них три пустых. Но... мертвым — вечная память, речь идет о живых. На клетке табличка «близко не подходить». Однако же детвора с этим не считается. Медведь спит в углу, но один глаз у него полуоткрыт. Замечая новых людей, толпящихся подле его клетки, он начинает почесывать лапой голову. Ему этого не хочется делать, но этого хотят другие. В награду он получает ржаной хлеб, карто-

день на ногах. Стоит у решетки, вонзив благородную морду в стальные брусья.

Волки. Не тамбовские, конечно. Тамбовские на гауптвахте, либо на Хитровом. Серые волки, шныряющие взад и вперед. В соседстве с ними — собаки. Обыкновенные собаки, которых посадили для того, чтобы они привыкли. Этим путем из них вырабатывают новую породу хищника: полу-волка, полу-собаку. Результаты имеются уже на лицо.

Из готической избушки выглядывает буро-желтая туша. Это — редкостный зубр, привезенный из Петербурга. Он безопасен и потому имеет возможность есть из рук детей яблоки и ягоду.

Миновав орла, сидящего на жерди, и черного грифа, хлопающего крыльями, мы входим в маленькую комнату, густо населенную всеми видами птиц и обезьянами. Темная, затхлая, но совершенно фантастическая комната. Красные и синие попугаи, африканская птица какаду, Испанские породы. Обилие цветов, самых ярких и резких, ослепляет. Обезьян мало. Одна из них больная — на нее тяжело смотреть. У скорбящего звереныша темня выжжено лишаем, слезятся глаза и гноятся лапы. Укус ее ядовит, и к ней близко не подпускают. В углу живут семействами голуби. В воздухе — бесконечный стон. Если стон прерывистый и задыхающийся — это значит, что голубь-любовник счастлив.

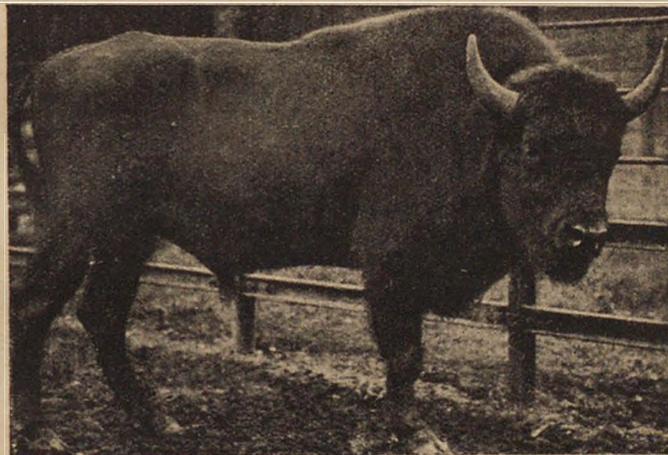
Белый медведь, недавно привезенный в Москву.

и чистого, проплывает дикий, австралийский, отливающий яркой чернотой.

Огибая пруды, мы увязаем в песке, спотыкаемся о щебень, проваливаемся в рытвины, но это дает только повод удовлетворенно улыбнуться. Песок и щебень, и доски, и мусор, и ямы — великолепно. Это идет спешный ремонт сада. Восстанавливаются павильоны, прочищаются запущенные дорожки, посыпаемые благородным желтым песком. И вот — клетки с колпаками — для хищных и без колпаков — для безопасных. Грустные мысли навертываются, когда проходишь мимо них. Сколько пустых! Зверь, заключенный в железную клетку, потерял свое самое цен-

фель, морковь и баночки. Он ест все с одинаковым видом, не различая, должно быть, вкуса. В каждой клетке — бассейн. Вода в этих бассейнах желтая от солнца и застоя. Медведь пьет целый день, не хотя и вяло, наваливаясь туловищем на поверхность бассейна.

Среди них — белый медведь, привезенный недавно. Чувствуется, что это новичок. Его трудно видеть спящим. Он целый

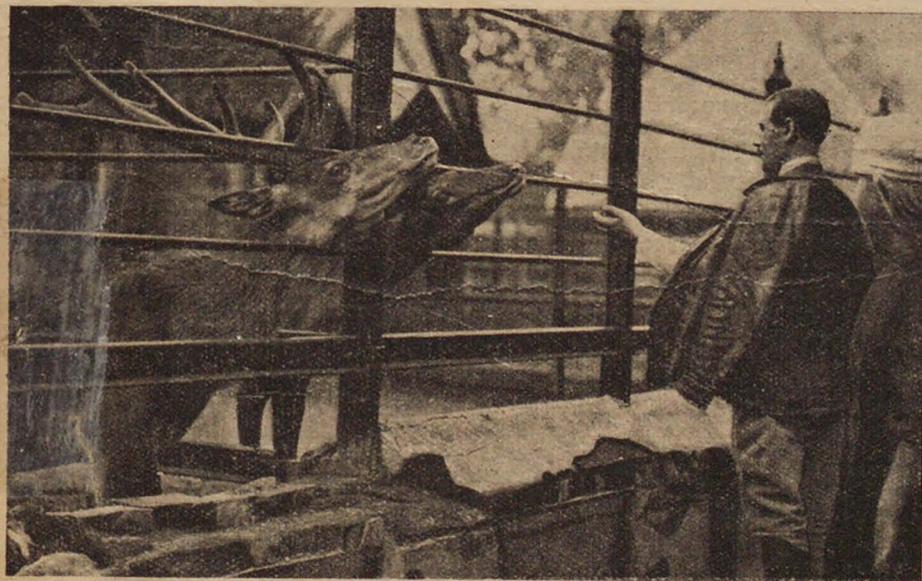
Бизон.

Длинный, непрерывный и тихий стон — голубь-муж ревнует.

В научном отношении самым замечательным видом сада являются курицы. Блестящие опыты пересадки половых желез, производимые профессором Завадовским, привлекают сюда много специальной публики. Здесь можно видеть петухов, бывших курицами, и куриц, бывших петухами. С одной курицей проделан головокругительный опыт. Она была превращена в петуха, а потом опять приведена в «куриное состояние». Можно видеть куренка, находящегося в периоде превращения. Женственность свою он уже потерял, мужественность зарождается. У него вырастает гребень. Он начинает хлопать крыльями и пытается кричать «ку-ка-ре-ку!» Опыты эти не ограничиваются домашней птицей. Следующей жертвой (безболезненной) предполагается обезьяна-самка.

Мы обошли весь сад. Аквариум временно закрыт «по случаю ремонта». Идя назад, мы встречаем десятилетнего мальчугана, гуляющего по саду с худенькой, маленькой и желтой лисичкой. Лисичка привыкла к нему и любит его. Но когда на дороге попадает петух или курица, мальчику приходится крепко придерживать ее на цепочке. У нее тело напрягается к бегу и загораются хищным блеском глаза.

С. Гехт.

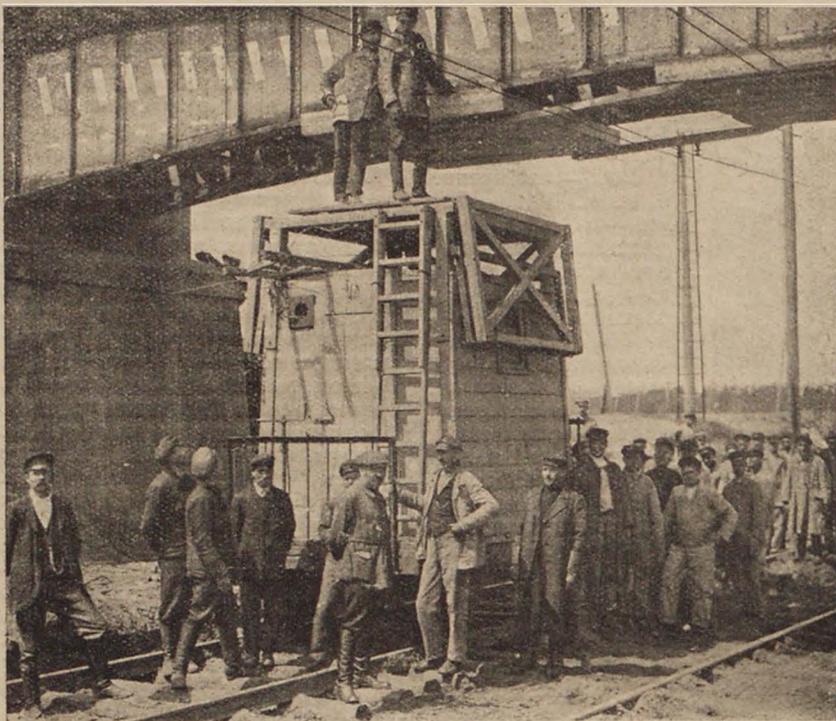

Северные олени.

Загородные трамвайные линии.

В 1923 году производится прокладка 4 новых загородных линий: от Виндавского вокзала через село Алексеевское в село Останкино (более 5 в.), от Рогожской заставы вдоль шоссе Энтузиастов (б. Вла-

подходят к концу. Линия на своем пути встречает 3 естественных препятствия: река Копытовка (строится специальный мост), заболоченная местность между Алексеевским и Останкинским (осушается дренаж-

Группа рабочих на постройке одной из загородных трамвайных линий.

димирского) — около 2-х в., от Преображенской заставы в село Черкизово (1 в.) и от Петровской Академии до ст. Лихоборы (2 в.).

Работы на останкинской линии, самой длинной и вместе с тем самой важной,

ным способом) и густая сосновая роща (прорубается просек).

Все материалы для постройки — советского производства. К концу строительного сезона все намеченные работы будут закончены.

СУХАРЕВКА.

Проза О. Мандельштама.

Сухаревка не сразу начинается. Подступы ее широки и плавны и постепенно стягивает буйный торг в свою свирепую воронку. Шершавает мостовая, буграми и ухабами вскипает улица; видно не терпится Сухаревке — уже раскидала свои манатки, — прямо на крупной мостовой: книжки веерами, игрушки, деревянные ложки — что полегче и в руках не горит. Пустяки, равнодушный товар...

На отлете базара сидят на кочках цирюльники; чисто и крепко бреют двух жильных стратотерпцев. Табуретки, что коленные уголья — а не вскочешь, не убежишь.

Под самой Сухаревой башней, под башней-барыней, из нежного и розового кирпича, под башней — индюшкой, дорожной, как 45-летняя государня, в чухлому деревцу привязана холмогорская корова. Когда строили башню кончался огородный XVII-й век. Построил ее Петр с перепугу, увидев дурной сон и на радостях, что обошлось благополучно, вывел на огородной земле диковинную гражданскую постройку: не цейхгауз, не каланчу, а нечто сухопутное до мозга костей, где обучали морскому делу.

Сухаревка земля огородная, ничего что ее затянуло камнем, под ним чувствуется скупой и злой московский суглинок и торговля бьет из под земли, как порождение самой почвы.

Дикое зрелище базар в середине города: здесь могут разорвать человека за украденный пирог и будут свыряться им, как реиновой куклой; здесь — люди-тесто и хочешь — не хочешь, будут тебя месить чьи о жилистые руки.

Как широкая баба навалится на тебя Сухаревка — недаром славится Москва своих базаров бабьей шириной; плещется злой мелководный торг в зелено-желтых трактирных берегах; слева же подковой разбежался пустой шереметьевский двор, здание легкое и крылатое, как белая девическая ступня.

Базар, как поле засеянное в разбивку то рожью, то овсом, то гречью — размежеван, разлинован, изрезан тропинками — и закрыл глаза, по одним запахам, по испарениям можно сказать какие рядки ты проходишь. То запах свежей убоины, мускусом и здоровьем ударяет в голову — не страшны запах животных трупов, потому что мы не хотим понимать его значения; то квадратный запах дубленой кожи, запах ярма и труда — и тот же — но смягченный и плутоватый запах сапожного товара; то метелочной петрушки и сельдиря защекает невинный запах зеленых рядов, ли сытый и круглый запах рядов молочных.

Я видел тифлисский майдан и черные базары Баку. Разгоряченные лукавые, но в подвижной и страстной выразительности всегда человеческие лица грузинских, армянских и тюркских купцов — но никогда я не видел ничего похожего на ничтожество и однообразие лиц сухаревских торговцев. Это какая то помесь хоряка и человека, подлинно «убогая славянина». Слово эти хитрые глазки, эти маленькие уши, эти волчьи лбы, этот кустарный румянец на щеку выдавались им всем по-ровну в свертках оберточной бумаги.

Говорят, муж от долгого сожительства

становится похожим на жену. Если при-смотреться — и купец похож на свей товар: всех спокойнее и благобразнее лобзаники: все текуче — один хлеб остается.

Лица мясников говорят о сметке перво-бытного хирурга они сложнее, подвиж-нее, добродушнее; мускульная игра, неизбежно сопровождающая их работу; све-жевание души и рубка с плеча, на глазомер, наложило на них отпечаток.

Женщины мануфактурищицы, торгующие булавочной мелочью, заострили лица и поджали тонкие губы.

И здесь отдыхаешь на смуглых и откры-тых лицах каких то кавказских чертенят, ковыряющих ваку с блаженным смехом.

Медленно расквашивается Сухаревка, ходит в раж, пьянеет от выкриков, от хлы-стовского ритуала купли-продажи. Уже кидает человека из стороны в сторону — только выбрался он из ручной толкучки преследуем сомнительными двуногими лав-ками, как понесло его одним из порожи-стых, говорливых ручейков и прибило к тушику — и оглушенный граммофонами, он уже шагает через горячие примусы, через рассыпанный на земле скобяной товар, через книги.

Книги. Какие книги. Какие заглавия: «Глаза карие хорошие» «Талмуд и еврей», неудачные сборники стихов, чей детский плач раздался 15 лет назад.

Тут же уголок, напоминающий пожа-рище — мебель, как бы выброшена из горящего жилья на мостовую: дубовые, с шахматным отливом столы, ореховые буфеты, похские на женщин в чепцах и наколках, ядовитая зелень турецких диванов, отоманки, рассчитанные на вер-блюда, мешанские стулья с прямыми чахоточными спинками.

Удивленный человек метнулся обратно — чуть не наступил на белую пену кружев-ных оборок, взбитых как сливки, и сам не зная как, очутился среди гармонистов, словно подыгрывающих к чьей то свадьбе, разворачивая лады вежливым извиняю-щимся движением — так, что в воздухе висит гармонный плач.

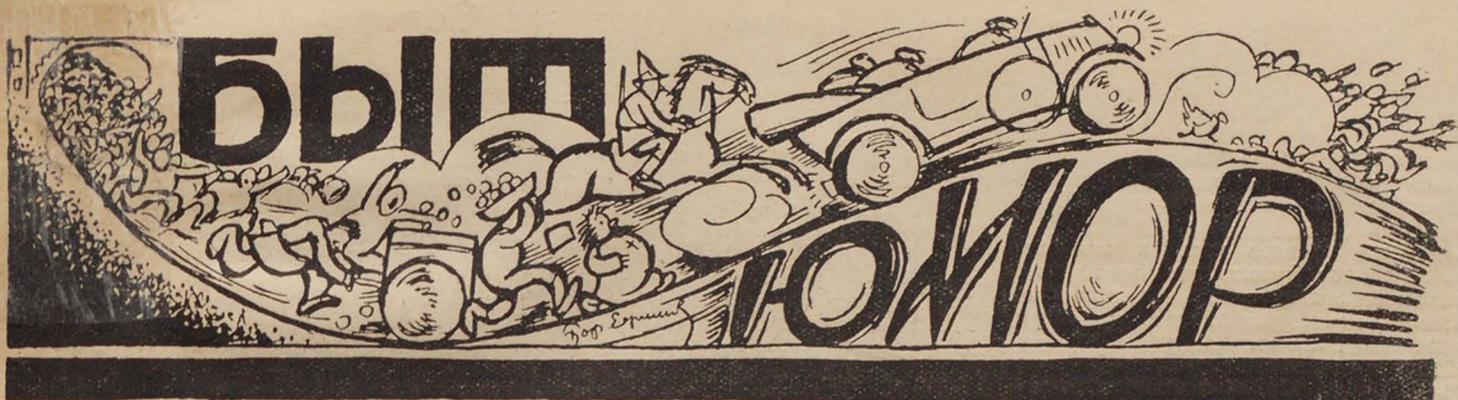
Есть что то дикое в зрелище базара: эти десятки тысяч людей, прижимающих к груди свое добро, как спасенного из огня ребенка. Базар всегда пахнет пожа-ром, несчастием, великим бедствием. Не-даром базары загоняют и отгораживают, как чумное место. Если дать волю базару он перекинется в город и город обрстет шерстью; а пока он напоминает о себе серой, неожиданной оберточной литера-турой, этими кульками и мешочками, которые оказываются то житием святого, то сборником диких анекдотов, то уставом в какой нибудь давно отжившей службе.

Но русские базары, как Сухаревка, особенно жестоки и печальны в своем свирепом многолюдстве. Русского чело-века тянет на базар не только купить и продать, а чтобы вывалиться в народе, дать работу локтям, поневоле отдыхаю-щим в городе, подставить спину под веник брани, божбы и матерщины; он любит торговые петушинные бои и крепкое слово, пущенное в догонку. В городе говорят лениво. Здесь живая речь — гово-рок, — средство защиты и нападения словно ручной хореk ширыет под давками; базар-ная речь, как хищный зверек, сверкает маленькими белыми зубками.

Такие базары, как Сухаревка, — воз-можны только на материке — на самой сухой земле как Пекин или Москва; только на сухой срединной земле, которую при-выкли топтать ногами, возможен этот сви-рельный, расплывающийся торг, кроющим матом эту самую землю.

Несколько пронзительных свистков — и все прячется, упаковывается, уволаци-вается и площадь пустует с тою истериче-ской последностью, с какою пустели бревенчатые мосты, когда по ним проходила колючая метла страха.

О. Мандельштам.

ПОЧТА.

Очерк С. Щукина. Рисунки В. Гора.

Сейчас пишут все. Пишут много и часто. Как-бы желая наверстать потерянное время, когда нужно было умолять, случайного знакомого, едущего

... „Где я ночую? Это очень трудно перечислить... Главным образом, Лубянская площадь—у фонтана...“

дании безграмотности, своего дела еще далеко не исчерпала. Еще слишком много людей, не умеющих писать. Но писать надо и приходится прибегать к чужой помощи.

Оказывается, есть такая профессия—составление писем для «темных». Человек, занимающийся ею, называется почему-то «переводчик». Очевидно, потому, что переводит с языка на бумагу. На московском почтамте их несколько. Их можно видеть в любое время дня, согнувшись над высокими партами.

Вот один из них. Казенная гимнастерка и так же штаны, суконные обмотки, но

... „Написать что, мамаша?..“

на голове вместо шлема—помятая фетровая шляпа. Самоуверенные манеры, портфель под мышкой и перо за ухом—демпонизированный писарь. Ковыляя, как полагается, тащится старуха. Горб, конечно, и морщины, конечно. И мужицкая печаль

тоже. Писарь вытягивается, писарь кашляет, писарь на чеку.

— Написать что, мамаша?

Старуха обрадована.—Спасибо, голубчик, спасибо. Она благодарит заранее—настолько велика оказываемая ей услуга. И диктует.

«Любозный сын Алексей. Свекор кланяется, свекровь кланяется, живы-здоровы много лет». Писарь сортирует, что куда. «По причине просрочки документов».

Письмо готово и писарь слюнявит конверт.

— Куда, мамаша!

— У действующую армию, голубчик.

— Что ты, мамаша. Никакой войны нет.

— Так не на войну, соколик, а на действующую армию.

Наконец, ей удается объяснить, что действующая армия и запасный полк в гор. Серпухове не одно и то же. Она кланяется и робко спрашивает—«сколько?»—«Сколько положите, мамаша»,—отвечает писарь, не глядя на нее.

... „Родитель твой—хоть гражданин—хоть товарищ—мне што—Яков Ильич Тарасов“...

него голоса, скрывающего от посторонних имя и фамилию.

Публики у этого окошка теперь мало. Преимущественно—ободренные и усталые провинциалы. Эти не имеют ночлега, следовательно, не имеют собственного адреса. Получая письмо, они безнадежно скрывают его и следят глазами безнадежные строки: «Нас очень опечалило то, что ты еще не устроился».

Дальше он не читает и пишет тут-же, склонившись над партией, ответ: «Дорогая жена. Я стал, как говорится, герой Маин-Рида. Путешественник, на старости лет (ему всего 27) пусть враги мои радуются. Где я ночую, спрашиваешь ты. Это очень долго перечислять, дорогая моя: Тверской бульвар—на скамейке, Пречистенский сквер—под скамейкой, Лубянская площадь—у фонтана и т. д. и т. д. Пальцев не хватит».

Не пятно, конечно, на фоне нашего деланого курьез. Типичный и бытовой, и потому достойный того, чтобы его отметить. Речь идет о почтовой пакости. Пишущему эти строки привелось недавно отправить про-

стое письмо в Киев. Адрес был неверный. Письмо простое—возврату не подлежит. И вот—негодное, оно стало предметом чтения скукающей барышни почтового ведомства. В результате — пакостный ответ с остроумием от гостинной и кухонной издевкой.

«...Одна такая история нас такая пакость женьбой окончилась... раз женьбой окончилась. Ваша придирчивость смешна.—В заключение он пожалел обо мне, таком недогадливым и нерасторопном.»

Письмо крестьянина Архангельской области, Тверской губернии, села Зуева, Якова Тарасова.

«Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии Молодежи. Для передачи в собственные руки товарищу—в скобках—дочери Марии Яковлевне Тарасовой. Любозная дочь Марья. Твой патрет и письмо, а также ситец получили. И еще клевер очень хорошо уродился—вдоволь, можно сказать, так-что соседям продавали. А что касается гречихи—не вышла. Очень прошу тебя прислать мне патрет советского патриарха Тихона, а также подробности касания открытия красной церкви. И еще Васька—жеребец—пегий, болезный,—подох. Наклали 80 пудов—меня о ту пору дома не было—так куды ему. У него с запрошлого лета ноги

... „При сем препровождаю стихи для печатания...“

подбиты. Родитель твой—хоть гражданин, хоть товарищ—мне што—Яков Ильич Тарасов».

Письмо заведующего вознесенским уфиделом в редакцию столичной газеты:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ 6% ЗОЛОТОЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ.

Облигации Государственного 6% выигрышного займа выпущены в 5 и 25 рублей золотом. Облигации в 25 рублей имеют пять номеров, из которых каждый может выиграть отдельно

Тираж выигрышей производится два раза в год. В текущем году 1-й тираж был произведен 1-го мая. Следующий **тираж — 20 августа**. В 1924 году и следующих годах тиражи выигрышей будут производиться каждое 1-е января и 1-е июля.

В КАЖДЫЙ ТИРАЖ ВХОДЯТ: по одному выигрышу в **100.000 р. золотом**, по одному выигрышу в 50.000 руб. золотом, по два выигрыша в 25.000 р. золотом, по 5—в 10.000 р. золотом, по 10—в 5.000 руб. золотом, по 50—в 1.000 р. золотом, по 100—в 500 руб. золотом, по 1000—в 100 руб. золотом, по 2.000—в 50 руб. золотом, по 2.000 выигрышей в 20 руб. золотом до 1927 г., а с 1928 по 1932 г. по 5.000 выигрышей в 20 руб. золотом. Всего в каждом тираже 13.169 выигрышей на сумму 800.000 рублей золотом

Выигрыши государственного 6% золотого выигрышного займа освобождены от всех видов налогов и сборов государственных и местных, специальных и общего характера. Выигрыши займа не подлежат обложению преимущественно-подходному налогу.

Облигация, выигрывшая один раз, не погашается. Она может выиграть и в следующие тиражи.

Под облигации выигрышного займа кредитные учреждения выдают ссуды. Ссудо-залоговые операции освобождены от гербовых сборов.

Облигации выигрышного займа котируются на Московской Фондовой Бирже.

Облигации займа продаются во всех кредитных учреждениях РСФСР и Союзных Республик, а также во всех губернских и уездных Финансовых Отделах, почтово-телеграфных конторах, в кооперативных организациях и других местах по курсу котировальной комиссии при Московской Фондовой Бирже.